

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ, *ИЛИ КЛЮЧ К НАШЕМУ БУДУЩЕМУ*

В начале декабря 2023 года мне довелось побывать на IX салоне русской книги в Париже и выступить модератором круглого стола, посвящённого современной русской прозе, а также поучаствовать в презентации повести “Девятый” современного писателя-помора Павла Кренёва в переводе на французский Тьерри Мариньяка. И что удивительно — в эпоху санкций и политики отмены русской культуры на Западе атриум на триста мест в Российском духовно-культурном православном центре на пересечении набережной Бранли и авеню Рапп был полон франкоговорящей публикой, а за автографом к писателю Кренёву выстроилась солидная очередь из коренных парижан.

Поэтому я считаю выход книги прозы Виктора Слипечука “Зинзивер” объёмом 698 страниц на английском языке своевременным и важным литературным событием.

Восхищает качество перевода Антона Коваленко — точного, виртуозно нюансированного. Он не только написал деликатное и умное предисловие к роману, но и на протяжении всего романа помогает английскому читателю познакомиться с реалиями вчерашней и сегодняшней русской жизни и её мифами в специальных сносках.

Переводчик так объясняет необходимость в постоянных комментариях почти на каждой странице: “Текст богат культурными отсылками, которые, как ожидается, вызовут у русскоязычных читателей воспоминания и ассоциации, которые могут быть не столь очевидны и понятны тем, кто не знаком с этим периодом. Эти ссылки охватывают исторические события и значимых личностей, а также множество специфических социальных норм и культурных “мемов”. Чтобы помочь западным читателям преодолеть этот пробел, я включил множество сносок, которые содержат контекст и пояснения, позволяющие им в полной мере оценить глубину и нюансы текста”.

Вот как, к примеру, объясняет Антон Коваленко такое труднопереводимое понятие, как “скатерть-самобранка”: “Волшебная скатерть — это артефакт, часто упоминаемый в различных русских сказках. Она предлагает всевозможные блюда, а после застолья блюда и остатки еды исчезнут”.

Переводчик считает необходимым пояснить англичанам и наш обычай кричать *“горько”* за свадебным столом: *“Гости выкрикивают это слово на русских свадьбах, призывая жениха и невесту поцеловаться, обычно после тоста или даже вместо него. Это дословно переводится “горько” и подразумевает — молодожёны должны подсластить водку гостей поцелуем”*.

Убеждена: в Англии, как и в сегодняшней Франции, немало людей, которые высоко ценят русскую психологическую остросюжетную прозу, написанную в традициях классической литературы, прославившей отечественных писателей на весь читающий мир.

В рассматриваемую книгу вошли роман *“Зинзивер”*, повести *“Перекрыток”* и *“Смеющийся пупсик”* и четыре новеллы — *“Крылатый боевой конь”*. *“Волшебство вещей”*, *“День победы”*, *“Маленькие превратности”*.

Каждая из них удивительным образом раскрывает ту или иную грань русской души, непонятную иностранцам.

В романе *“Зинзивер”* иностранного читателя может обескуражить вопиющее бескорыстие героя — выпускника Литинститута талантливого поэта Мити Слёзкина, неуловимо чем-то похожего на героев прозы раннего Достоевского, равнодушного к деньгам и ставшего, помимо собственной воли, успешным бизнесменом.

При этом в нашу утилитарную эпоху смыслом его жизни — как когда-то у Вронского из *“Анны Карениной”* — остаётся страстная и нежная любовь к болезненной, романтической и *“взбрыкистой”* молоденькой Розочке, своей законной супруге. Розочка (именно так в течение всего романа называет её герой, от имени которого ведется повествование), очень по-русски тайно мечтает стать монахиней, спасающей любовью безумный жестокий мир, но себя она не способна защитить от наркотической зависимости, из-за которой и погибает в финале.

Но именно эта алогичная, необъяснимая любовь вырывает героя из мира околосредовых махинаций, из графоманского окружения псевдогорьких и псевдомаяковских, чреватого завистью, ревностью, доносами и клеветой, в которых так легко погрязнуть.

Слипенчук показывает себя знатоком не слишком чистой изнанки околосредового мирка: он уверенной рукой рисует противоречивые отношения внутри ЛИТО. Конфликты и попойки в безымянном общежитии напоминают обстановку в общежитии Литературного института, где в своё время жил учившийся на Высших литературных курсах автор. Явно написаны с натуры сцены, в которых нищий одарённый человек продаёт свои тексты скукающим богатым людям, сохраняющим уважение к щедрому автору.

Впечатляет панорама Москвы 90-х, превращённой в гигантский грязный рынок. Её не узнает помнящий советскую столицу иной вернувшийся в постсоветское время герой.

Во всех происходящих с ним несчастьях Митя Слёзкин никогда не обвиняет окружающих или любимую женщину, даже если благодаря её исчезновению остается полуголым в незнакомой квартире в чужом городе. Сильный и добрый, он всегда во всём происходящем винит только себя. Закономерен финал романа — потеряв любимую и способность писать стихи, успешный, богатый, уважаемый финансовыми и криминальными авторитетами герой оказывается в опустевшем, обесмысленном мире. И, безутешный, повторяет путь Вронского после самоубийства Анны Карениной — уезжает добровольцем на Балканы, где, судя по появившемуся в роскошном ресторане его портрету рядом с изображением любимой Розочки, погибает во цвете лет.

Любовная история молодого поэта разворачивается на обломках великой империи в августе 1991 года, когда балет *“Лебединое озеро”*, в течение трех дней ГКЧП транслируемый по телевизору, получает ярко выраженный политический подтекст у миллионов советских людей.

Расул Гамзатов когда-то верно заметил — в того, кто стреляет в прошлое из пистолета, будущее стреляет из пушки. Именно эту мысль развивает редактор и литературный критик Франческа Мефам: *“Понимание прошлого — ключ к нашему будущему, а изучение ключевых событий, которые сформировали наше будущее, жизненно важно, и Слипенчук, кажется, неосознанно разжигает интерес читателя к истории”*.

Слипенчук хочет показать английскому читателю “настоящее прошлое” (недаром так мудро назван один из проектов “Литературной газеты”), которое в постсоветское время стало модно оплёвывать и окарикатуривать.

Точный и оригинальный образ нашёл прозаик, опираясь на великого мудреца и экспериментатора Велимира Хлебникова, — зинзивер — крупная синица, поющая со второй половины марта после зимней стужи.

После зимней стужи — эпохи сурового выживания 90-х и триумфа холодных стилизаций постмодернизма в начале двухтысячных — роман “Зинзивер” провозглашает наступление новой оттепели, когда бескорыстная самоотверженная любовь, оттесняя все другие чувства и страсти, вновь выходит на первый план в отечественной литературе.

Составитель книги “Зинзивер” не побоялся объединить в ней произведения Виктора Слипенчука разных лет. И они парадоксальным образом оригинально дополняют друг друга.

В повести “Перекрёсток”, написанной в далёком 1975 году, молодой колхозный шофёр Владимир Яликов сбивает пожилую женщину. Ею оказывается мать его лучшего друга Женьки Колотова. Женька, тоже шофер, защищая Владимира, пытается, не зная о том, кто погиб, снизить пафос трагедии: “...бабка... наверное, старая, отжила своё... А у Вовки жизнь только начинается...”, не подозревая: речь идёт о его собственной матери. Ситуация осложняется и тем, что Валя, невеста Владимира, влюблена в Женю и не может между ними выбрать. Смерть и любовь, как это часто бывает в прозе Слипенчука, идут рядом. Но Владимир находит в себе силы простить друга и повиниться перед отцом за циничные страшные слова, а невеста выбирает, как это часто делают русские женщины, того, кому хуже всего, кому особенно нужна помощь — согрешившего и убитого своим поступком бывшего жениха, находящегося на грани самоубийства.

Через бытовую сельскую драму прозаик подводит читателя к размышлению над сложнейшими нравственными вопросами бытия. В сегодняшнем мире, где так заметен конфликт поколений, где юность нередко безжалостно попирает старших, столько сил и здоровья вложивших в строительство страны, в которой нынче есть где разгуляться силушке молодецкой, эта повесть звучит более чем современно... Ну, а английского читателя наверняка удивит выбор взбаломошной Валентины, напоминающей героинь Достоевского, предпочитающей жить и действовать по зову сердца.

“Смеющийся пупсик” совсем не похож на традиционную школьную повесть 70-х годов, какие писал тогда, к примеру, ленинградский детский писатель Валерий Воскобойников (не случайно в тексте один из героев носит именно эту фамилию). Это ещё один вариант деревенской школьной драмы, герои которой — деревенские шестиклассники Валера Губкин, его лучший друг Эдька Воскобойников и их одноклассница Света Карманова.

В центре повести — первая любовь, чистая, романтическая. Вот портрет героини, увиденной глазами влюблённого Валеры: “О Светланке надо сказать, что она очень красивая, опрятная, как, между прочим, все отличницы, но не ябеда, не задавака и не подлиза, а когда засмеётся, у неё ямочки на щеках появляются. И она толковая вообще”. У Светланки погибает отец-лётчик, а приехавшая на похороны сестра матери из Арзамаса начинает допрашивать девочку, необоснованно подозревая её в эротических забавах с Валерой и доводя скромную чистую девочку грязными намёками и клеветой до попытки самоубийства. Смеющаяся кукла — невинный подарок влюблённого одноклассника — вызывает у взрослых, включая недалёковидных учителей (кстати, в советской литературе начала 70-х прошлого века отрицательный образ учителя — весьма редкое явление), множество грязных домыслов и подозрений. Но двенадцатилетний мечтатель, пишущий стихи, оказывается умнее, добрее и честнее окружающих его взрослых. Он находит в себе силы, никого не обижая, с достоинством, сохраняя верность себе и своей первой любви, выйти из трудной жизненной коллизии. Повесть, написанная в 1971 году, опять-таки оказывается звучащей достаточно современно.

Она больше скажет английскому читателю о русском национальном характере, чем эффектные фантазии и стилизации много переводящихся за рубежом постмодернистов.

Как известно, у писателей нередко бывают любимые жанры. Но автор этой книги убедительно доказывает естественность своего творческого дыхания как в большой (роман, повесть), так и в малой (рассказ) форме.

В новелле “Крылатый боевой конь” перед нами — поток сознания малыша, погружающий нас в тревожное, богатое обидами и опасностями пространство детства, где каждый, играя и фантазируя, может вообразить себя или друга-ровесника кем угодно, даже крылатым боевым конём, которому не страшны ни горы, ни реки... А в результате оказывается... на илистом дне соседней речки, куда прыгнул малолетний храбрец, не умея плавать, переполненный азартным ощущением невозможности собственной смерти.

Прозаик подводит читателя к пониманию сложности отношений между мальчишками и девочкой, невнимательности взрослых, чуткости и любопытству малышей к непонятному им феномену чужой смерти.

Образ-символ крылатого боевого коня проходит через весь рассказ, воплощаясь то в весёлого неуёмного друга героя Пашку, то в самого малолетнего повествователя, спасающегося от неминуемой смерти в коварной жёлтой воде: “В какой-то момент, словно от электрической искры, я весь разжался и, словно крылатый боевой конь, изо всех сил взмахнул крыльями. Я ударил ими с такой силой, что полоска разорвалась и зазвенела. Она зазвенела как тысячи сверкающих брызг. Я увидел солнце, ликующую детвору и одинокого Мишку Рубанюка, испуганно показывающего рукой на круглый лоснящийся мячик. Мячик, медленно всплыв, постоял под кустом, а потом опять медленно погрузился в воду. У меня не было никакой мысли, что этот мячик — я”.

Особая склонность к философским обобщениям, болезненное ощущение хрупкости жизни и острое стремление любой ценой разгадать тайну смерти — ещё две грани русской души, открывающиеся автором этой книги английскому читателю в небольшом рассказе: “Мне было понятно всё. Всё-всё, до самого донышка. Почему Мишка так говорит и почему — Павлик. И почему мама прибежала и торопливо ушла. И почему Вольхина хотела, чтобы я утонул. Всё-всё я понимал, но это понимание не радовало меня, а лишь навевало грусть открывшейся жизни”.

В рассказе “Волшебство вещей” автор помогает нам задержаться всё в том же пространстве деревенского детского мира. Читатели буквально осязают трепетность родственных чувств, связывающих сельских мальчишек-братьев между собой и с их прошедшими войну родителями. Для маленького героя, от чьего имени ведётся повествование, старший брат Вовка — “он старше меня за целых шесть лет”, для шестилетнего человека — на целую жизнь — существо высшего порядка, обожаемое младшим. Любой его поступок — кража медали или побег из дома — у маленького рассказчика вызывают восторг и восхищение. В центре рассказа — превратившаяся в чиху для мальчишеских игр отцовская медаль со случайно спланным ушком, похищенная старшим братом из комода.

Глубинная связь маленького героя с родными и бесконечно дороги ему людьми — с братьями, отцом, матерью, — тепло любви, согревающее автора в течение многих десятилетий (рассказ написан в 2012 году, когда многие его герои уже давно ушли в мир иной), — ещё одна любопытная грань русской души, не совсем понятная иностранцам:

Любили тебя без особых причин,
За то, что ты — внук,
За то, что ты — сын,
За то, что малыш,
За то, что растёшь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

— писал в 1981 году Валентин Берестов. Именно на этом особом нерве написано в своё время “Детство” Л. Н. Толстого, рано лишившегося родителей и оживившего их в своей юношеской трилогии.

В рассказе “День победы” Слипенчук предстаёт достойным наследником деревенской и военной прозы — вспоминаешь и “Судьбу человека” М. Шолохова, и повесть В. Белова “Привычное дело”.

Английского читателя способны взволновать лирические сельские пейзажи, тонко передающие состояние души героя: “Шорох листьев, сладковатый запах яблонь, холодная колодезная вода, отдающая свежим срубом, вдруг отзывались в душе мучительной тоской по прошлой неудавшейся жизни”.

Рассказ написан в 1982 году, но сегодня, когда опять так много во-
круг осиротевших детей, он обретает особую актуальность.

Есть ещё одна грань таинственной русской души, которую раскрывает англичанам этот рассказ... Это соборное сознание авторитетного колхозного лидера, тоскующего по погибшим в разбомбленном доме сыне и жене, и желающего удочерить детдомовскую девчущку, но просящего на это согласия и благословения у жителей родной деревни: “— Я ведь что вам, бабы, скажу, вы не смотрите... ежели Олька пристанет до меня — вместо отца и матери буду, в том моё верное слово. А уж там — решайте...”

В новелле “Маленькие превратности” — супруги, перемещающиеся во времени и пространстве, вспоминая себя двадцатилетними, возвращают себе потерянные слова-ключи, которые уже много столетий передают друг другу влюблённые всего мира: “Я люблю тебя!” — слова, с которыми даже погибнуть вместе не так страшно. И это противостояние любви — смерти в рассказе, написанном в популярном в России стиле фантастического реализма два года назад, в январе 2023 года далеко не юным автором, открывает читателю щемящую свежесть и яркость пережитых чувств. Автору веришь: для героя его новеллы без любимой женщины “жизнь не имеет смысла”.

Сила прозы Слипенчука — и этим он может быть особенно интересен английскому читателю — в глубинном усвоении традиций Золотого века, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и соединении их с знаковыми творческими открытиями века XX — деревенской и военной прозы.

В умении при этом оставаться самим собой, находить непохожую ни на кого творческую манеру, повествовательную интонацию и собственных героев.

Виктор Слипенчук возвращает в прозу первой трети XXI столетия традиционные христианские ценности — любовь, всепрощение, незабываемое тепло семейных уз (вспомним пятую заповедь: “Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе”) и — как ни удивительно! — постоянную, напряжённую память о неизбежности смерти, её и сегодня полной неразгаданности и таинственности.